

Цѣна съ перес.

за годъ 2 руб.,

за 3 мѣсяца

50 коп.

Цѣна отд. № 5 н.

№ 26
1907.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ

ВЪ РЕДАКЦИИ

Вологодскихъ Епархіаль-
ныхъ Вѣдомостей

и въ канцеляріи

ЕГО ПРЕОСВЯЩЕНСТВА

ЕПИСКОПА ВОЛОГДСКАГО.

СОДЕРЖАНІЕ. Признаки смиренія.— На пути въ объятія Отчи. Изъ дневника инока — Преподобная Марія Египетская. С. Н. К.— Сила Божія и немощь человѣческая. Изъ записокъ игумена Феодосія о самомъ себѣ. *Сергѣя Нилуса.*

Прилагается къ Волог. Епарх. Вѣдомостямъ **БЕЗПЛАТНО.**

ПРИЗНАКИ СМИРЕНІЯ.

какі знаки смиренія? хочешь знать:—Отвѣтъ: Я тебѣ нѣкія знаменія того, по силѣ моей, покажу: ты испытай сердце свое, понеже смиреніе, какъ и всякая добродѣтель, должно быть на сердцѣ. Свойство смиренія есть, что человѣкъ всего себе недостойнымъ быть судить: пищи, одѣянія, свѣта солнечнаго, покоя богатаго, служенія отъ человѣкъ, и прочаго благодѣянія, зная, что грѣшникъ есть; напротивъ того судить себе достойнымъ быть всякаго бѣдствія, поношенія и наказанія. Сей есть знакъ истиннаго смиренія, которое на сердцѣ есть. Почему? Потому что таковой человѣкъ видитъ свои грѣхи, которыми благодѣтеля Своего, Бога, прогнѣвалъ, Котораго долженъ былъ бояться, любить и почитать; и сіе разсуждая, видитъ свое недостойнство во всемъ; напротивъ всего наказанія достойнымъ себе мнить. Подобно, какъ бы человѣкъ челоуѣка, благодѣтеля своего, обезчестилъ и прогнѣвалъ, и за тое, узнавъ свое погрѣшеніе и грубость къ нему, судить себе недостойнымъ быть благодѣянія его; и хотя паки отъ него получаетъ благодѣяніе, однакожъ, памятуя свой грѣхъ, которымъ къ нему согрѣшилъ признаетъ себе недостойна быть благодѣянія его: тако всякая душа, памятуя свои грѣхи къ Богу, почитаетъ себе недостойною благодѣяній Его,—однакожъ милости Его, яко благого и милосердаго Отца, не отчаявается, вѣруя несумнѣнно милостивому Его обѣщанію. И отсюда видишь, какъ сильна есть обуздати гордость и поощрити къ смиренію память грѣховъ, и разсужденіе своего недостойнства. И воистину, чего человѣкъ самъ въ себѣ достоинъ, яко грѣшникъ, какъ только казни? Все, что ни получаетъ отъ Бога челоуѣкъ, пищу, одѣяніе, и прочая благая туне, не по достоинству своему, но по единой милости Его получаетъ. Отсюда долженъ человѣкъ терпѣть, когда Богъ не подаетъ ему благихъ Своихъ, понеже Богъ не обидитъ его. Подаетъ ли намъ Богъ блага, Своя подаетъ, туне; отнимаетъ ли блага отъ насъ, Своя отнимаетъ, и отнимаетъ праведно, и

въ нашу пользу, да познаемъ благая Его и Его -Благодѣтеля отъ благихъ Его. Тогда бо познаемъ благая, когда лишаемся благихъ: коль великое добро хлѣбъ, во время глада, коль добро знатное здравіе, во время болѣзни видимъ. Бѣда нашедшая открываетъ намъ глаза, и тогда познаваемъ драгость (цѣнность) благополучія. И отсюда видимъ, коль великій свѣтъ дѣлаетъ въ душахъ нашихъ крестъ и терпѣше бѣдъ, напастей и искушеній. Истину сію признаютъ, которые въ томъ искусились. Видишь, возлюбленне, свойство смиренія: оно всего недостойнымъ себе быть судить. Аще убо такое достоинство въ себѣ признаешь, не захочешь славы, чести, и богатства, и похвалы въ мірѣ искать. не захочешь богатыхъ домовъ, каретъ, коней заводить, богатыхъ трапезъ строить, и богатыми одеждами одѣваться, и много слугъ имѣть и проч. Малаго недостойнымъ себе признаетъ человѣкъ: многого ли достойнымъ признаетъ? Гордыня житейская всего онаго убора научаетъ людей, какъ бы въ мірѣ прославиться, которые и укруха хлѣба недостойными себе достойно признать должны; а которые признаютъ себе достойными всего, тѣи ничего поистинѣ недостойны, и когда нынѣ не узнаютъ и не признаютъ своего достоинства, то тогда узнаютъ, когда и жизни, и всѣхъ благихъ временныхъ лишившеся, будутъ вкушать смерти вѣчныя, и горестей ея. Сюды бо приводитъ гордость и нераскаянный нравъ тѣхъ, которые благихъ Божіихъ обильно насыщаются, но Бога, благихъ Дателя, почитать не хотятъ. Разсуждай сія, и смиренію, какъ пристанищу спасенія, прилѣпляйся.

Изъ писемъ Святителя Тихона Задонскаго.

На пути въ объятія Отчи.

Изъ дневника инока

(Продолженіе).

Марта 10-20. Въ четвергъ 7-го исповѣдался, а 9-го приобщился Святыхъ Таинъ и весь день этотъ казался для меня

праздничнымъ. Ничего не можетъ быть радостнѣе для души въ-рующей, какъ искренно исповѣдаться и, по милости Божіей, достойно причаститься. Оставивъ бремя „тяжкое грѣховное“, омывшись во второй „банѣ накіи бытія“, она чувствуетъ, какъ будто спали съ нея какія-то оковы, тяготившія ея долу. Какъ выздоровѣвшій отъ тяжелой и продолжительной болѣзни начинаетъ замѣчать въ жизни одно только пріятное, такъ и духовно-исцѣленная душа взираетъ на міръ свѣтлыми очами. Сердце ея тогда наполняется благодарностью къ вознесшему съ Собою на крестъ грѣхи ея—оковы человѣка и отрываетъ „Слово благо“, слово горячей молитвы. Если и перестаетъ внѣшнее слово молитвы, то сердце ни на минуту не перестаетъ внутренно вопіять: *Иисусе сладчайшій, спаси мя! Иисусе Сыне Божій, помилуй мя!* Теперь она чувствуетъ себя на рамѣ добраго Пастыря, несомую ко Отцу, Который, какъ прежде, не отвращаетъ Своего лица, а простираетъ и отверзаетъ ей „объятія Отча“. Съ трепетною радостью она ждетъ принять Господа подъ кровь свой. Какъ Моисей къ неопалимой купинѣ, приступаетъ она къ Святой Чашѣ. Сердце тихо забилось, все болѣе и болѣе воспламеняясь огнемъ любви, чувствуя близкое присутствіе Господа, подобно ученикамъ на пути въ въ Еммаусь. Умственное око созерцаетъ Тайную Вечерю... Ухо слышитъ призывъ: *Примите ядите, сіе есть Тѣло Мое... Пійте отъ нея вси, сія есть Кровь Моя...* Едва замѣтное движеніе устъ сопровождаетъ безпрестанно повторяемую молитву: *не отвержи мене отъ лица Твоего...* Руки готовы обнять, какъ блудница кающаяся, нозѣ Господа, но благоговѣйный страхъ полагаетъ ихъ крестомъ на сердце... Наступаетъ минута, когда душа почти не чувствуетъ себя прежнею, не узнаетъ себя: она ли въ Господѣ, Господь ли въ ней, она ли приняла Господа подъ кровь свой, Онъ ли ввелъ ее въ чертогъ Свой украшенный!

Гдѣ я, Господи! Хорошо намъ здѣсь, Господи! готова она въ умиленіи воскликнуть. Она чувствуетъ себя восхищенною въ невѣдомый ей доселѣ міръ блаженства. Въ окружающихъ, раздѣляющихъ съ ней Божественную Трапезу, видитъ не прежнихъ обыкновенныхъ „людей“, а ангеловъ, подобно ей преобразившихся существъ; во взглядѣ каждаго она читаетъ тихую улыбку блаженства и довольства, и всѣ становятся ей милы, какъ и она сама себѣ. Одного она теперь желаетъ, что бы эта Св. Вечеря любви, единенія съ Небеснымъ Отцомъ и всѣми людьми, никогда не прекращалась. И припомнится ей въ это время молитва Спасителя: „да вси мы едино будемъ, якоже Ты, Отче, во мнѣ и азъ въ Тебѣ, да и тии въ насъ едино будемъ“... (Іоан. XVII, 21). И другое слово обѣтованія: „и будетъ Богъ всяческая во стѣхъ“.

Апрѣля 3-го. Ходилъ къ стоянью въ К... церковь. Видѣлъ трогательный и глубокопоучительный примѣръ материнскаго воспитанія дѣтей въ религіозномъ духѣ. Храмъ Божій—первая и необходимая школа религіознаго воспитанія дѣтей. Вспомни отроча Иисуса съ матерію, ходившихъ въ Иерусалимскій храмъ. Ко всякому дитяти приложимы слова Отрока Иисуса; „не вѣстели, яко въ тѣхъ, ѿже Отца Моего, достоинъ быти Ми“; потому что дѣтямъ усвоится царствіе Божіе: „*таицхъ бо есть царство Божіе*“. Божіи храмъ съ его благовѣйнымъ Богослуженіемъ, съ священною обстановкою, съ усердномолящимися вѣрующими,—самая благотворная и могущественная мѣра воспитанія дѣтской души: молитвенное настроеніе окружающихъ, и прежде всего матери, сообщается и дѣтямъ, склоннымъ къ подражанію; святыя иконы поддерживаютъ молитвенное настроеніе, а священныя пѣснопѣнія возрѣваютъ его.

Сообщилъ *І. А. З.*

(Продолженіе слѣдуетъ).

ПРЕПОДОБНАЯ МАРІЯ ЕГИПЕТСКАЯ.

Какъ попечительная мать, Св. Церковь пользуется многоразличными средствами къ тому, чтобы во дни духовныхъ подвиговъ склонить грѣшную душу къ посту и покаянію. Въ первыя недѣли четыредесятницы она восхваляетъ постъ, какъ вѣрное и испытанное средство къ духовнымъ подвигамъ и нравственному совершенству. Во вторую половину великаго поста, начиная съ недѣли четвертой, она приводитъ намъ на память житія великихъ постниковъ и подвижниковъ, которые просіяли постомъ, достигли святости и совершенства. Такъ, въ недѣлю четвертую церковь воспоминаетъ Св. Іоанна, писателя, „Лѣствицы рая“. Въ недѣлю пятую воспоминаетъ великую подвижницу конца 5-го и начала 6-го вѣка († 521 г.) Марію Египетскую, жизнь которой особенно назидательна. Эта св. подвижница въ своемъ лицѣ являетъ намъ два образа человѣческой жизни: образъ глубочайшаго паденія чрезъ грѣхъ и образъ высочайшаго возстанія во Христѣ.

Св. Марія происходила изъ доброй христіанской семьи. Родиною ея былъ Египетъ. Но не долго жила Марія въ отчемъ домѣ. Уподобившись Евангельскому блудному сыну, она скоро оставила родную семью и удалилась въ богатый, многолюдный го-

родъ Александрію. Здѣсь она стала жить на полной свободѣ. Никѣмъ не руководимая, никѣмъ не сдерживаемая, одинокая среди чуждыхъ ей людей, Марія скоро пошла по скользкому пути чувственныхъ удовольствій. Потерявъ стыдъ и совѣсть, она неудержимо предалась порочной, распущенной жизни и сдѣлалась блудницей.

Цѣлыхъ семнадцать лѣтъ продолжалась грѣховная жизнь Маріи. Спускаясь все ниже и ниже въ бездну порока, она казалась совѣмъ погибшей нераскаянной грѣшницей. Казалось, не было рѣшительно никакой надежды на ея возрожденіе.

Какъ это ни дивно, но здѣсь кончается исторія паденія грѣшной души. Далѣе уже начинается глубоко отрадное ея возрожденіе, по дѣйствию все немощное врачующей, благодати Божіей, всепрощающей, безпредѣльной любви Божіей.

Настала весна. Приближался святѣйшій хрістіанскій праздникъ Пасхи Христовой. Благочестивые жители Александріи имѣли обыкновеніе на этотъ праздникъ путешествовать въ св. городъ Іерусалимъ, чтобы въ Страстную седмицу облобызать древо Креста Господня, поклониться живоносному гробу Христову, съ чувствомъ хрістіанской отрады и упованія встрѣтить здѣсь праздниковъ праздникъ.

Вотъ уже корабль стоитъ у берега, готовый къ отплытію въ страну священныхъ воспоминаній. На берегу толпится народъ, собравшійся въ плаваніе. Среди путешественниковъ было много молодыхъ людей. Марія въ моментъ отправленія корабля тоже оказалась въ прибрежной толпѣ народа. Вотъ и она рѣшила отправиться въ Іерусалимъ. Но не благочестивое чувство, не любовь къ Спасителю, не желаніе омыть грѣхи свои въ священныхъ водахъ Іордана руководило падшею женщиной. Нѣтъ, она искала общества молодыхъ людей, чтобы служить для нихъ камнемъ преткновенія и соблазна, чтобы насладиться грѣховными удовольствіями, чтобы развлечься шумною поѣздкой и весело провести время. Она упросила кормчаго и ее взять съ собою. Просьба ея была исполнена.

Вотъ путники достигли стѣнъ священнаго града. Народъ устремился въ храмъ Воскресенія Христова. Движимая какой-то внутренней силой, пошла туда и Марія. На паперти храма было тѣсно, — скопились массы народа. Одни проникали въ храмъ, другіе вновь приходили. Пытаются пройти въ храмъ и Марія. Но это ей не удается. Она приписываетъ свою неудачу тѣснотѣ и многолюдству. Но вотъ стало просторнѣе; а Марія все не можетъ проникнуть въ храмъ. Она наирагаетъ всѣ усилія, чтобы исполнить свое желаніе, но все было напрасно. Это заставило Марію задуматься. Какъ? Что? Почему другіе проходятъ, а она

перейти не можетъ? Нѣтъ ли какой нибудь, не внѣшней, а внутренней причины, мѣшающей ей проникнуть и поклониться древу Креста Господня? Она заглянула въ свою душу, спросила свою совѣсть. Тутъ только познала бѣдная грѣшница, что мѣшаетъ ей проникнуть въ храмъ; тутъ только познала она всю бѣдность своей души, всю грѣховность сердца. Вотъ гдѣ причина, которая заграждала отъ нея храмъ Божій. Вотъ гдѣ внутренняя сила, мѣшавшая ей поклониться подножію Креста Христова. Познала это падшая женщина, упала предъ ликомъ Богоматери въ притворѣ храма, затрепетала и залилась слезами: „Я знаю, взывала къ ней Марія, что я грѣшница недостойная взирать на Твой образъ, Пречистая! Но предвѣчный Сынъ Твой призываетъ къ покаянію всѣхъ грѣшниковъ. Будь спорушницей моего спасенія, Пресвятая Богородице! Отверзи мнѣ милосердія двери. Я уже не буду больше осквернять себя грѣхами. Я откажусь отъ міра и пойду, куда Ты повелишь мнѣ“.

Долго молилась Марія и проливала сладкія слезы. Вотъ она поуспокоилась. Вновь стала она пытаться проникнуть въ храмъ. Тутъ она почувствовала, что прежнихъ препятствій какъ не бывало. Еще разъ убѣдилась она, что грѣхи ея, безобразная порочная жизнь затворяли передъ нею ранѣе двери храма Божія. Вошла Марія, поклонилась со всѣмъ усердіемъ Честному Животворящему Кресту Христову, въ чувствѣ глубокаго раскаянія облобызала она великую христіанскую святыню. Потомъ, возвратившись къ иконѣ Богоматери, она опять припала къ стопамъ Пречистой Дѣвы и изливала предъ Нею свою грѣшную душу: „Пресвятая Богородице! Ты явила мнѣ Свое человѣколюбіе. Не возгнушайся моею грѣховностью; научи, какъ мнѣ достигнуть спасенія; будь моей руководительницей въ покаяніи“. Тутъ Марія явственно услышала звуки таинственнаго голоса: „за Иорданомъ ты найдешь спасеніе“. Марія въ послѣдній разъ вперила свой взоръ въ дивный ликъ Богоматери, моля ее: „Владычица, не оставь меня“. Покорная чудному голосу, пошла она за Иорданъ. Къ вечеру она пришла въ церковь Іоанна Крестителя, призывавшаго нѣкогда людей къ покаянію. Здѣсь она удостоилась приобщиться Св. Таинъ. Такъ напутствованная, она пришла въ пустыню за Иорданомъ. Здѣсь свято держала свой обѣтъ прежняя грѣшница, а потомъ великая подвижница, преподобная мать Марія. Сорокъ семь лѣтъ провела она въ пустынѣ, никому невѣдомая, никого невидавшая, питавшаяся такъ же, какъ нѣкогда и Христовъ Предтеча.

Господу угодно было явить міру необычайный подвигъ покаянія Маріи, чтобы, какъ яркій свѣтильникъ, свѣтила она всѣмъ грѣшникамъ въ мірѣ семь прелюбодѣйномъ и грѣшномъ. И вотъ

какъ это произошло. Когда приближалось время отшествія Маріи изъ этого міра, въ Заіорданскую пустыню ушелъ для уединенныхъ подвиговъ въ св. четыредесятницу одинъ инокъ сосѣдней обители, преподобный старецъ Зосима. Онъ встрѣтилъ Марію въ пустынѣ. Марія сначала бросилась бѣжать отъ старца. Она давно уже не видала людей. Старецъ сталъ умолять ее не удаляться отъ него, ибо прозрѣвалъ въ Маріи великую подвижницу и хотѣлъ насладиться ея духовной бесѣдой. Марія остановилась. Въ бесѣдѣ со старцемъ она откровенно рассказала ему исторію протекшей своей жизни, полную великихъ золъ и превратностей. „Семнадцать лѣтъ, по числу лѣтъ грѣхонпаденія моего, говорила Марія, боролась я съ моими страстями, какъ съ лютыми звѣрями. Когда я испытывала страшный голодь, мнѣ приходили на память роскошныя яства, которыми я питалась въ Египтѣ. Я томилась жаждой и мнѣ хотѣлось вина, къ которому я такъ привыкла. По временамъ вспоминалось мнѣ безумное веселье и хотѣлось пѣть любимыя пѣсни. Тогда вспоминала я свои обѣты, съ которыми пришла въ пустыню, стараясь бороться съ злыми помыслами и прогонять отъ себя соблазны. Я часто изнемогала въ этой борьбѣ и, обливаясь слезами, повергала себя на землю, мысленно прося Матерь Божію отогнать отъ меня смущеніе. Такъ лежала я до тѣхъ поръ, пока небесный свѣтъ не озарялъ мою душу и не наступалъ въ ней благодатный покой. Платье мое истлѣло, и мнѣ приходилось то содрогаться отъ холода, то изнемогать нодъ палящимъ зноемъ, и цѣлые дни я лежала на землѣ безъ чувствъ. Наконецъ настали для меня дни покоя. Ты видишь, Господь сохранилъ меня“. Заканчивая свою бесѣду подвижница именемъ Христовымъ просила старца, чтобы онъ соблюлъ тайну ея уединенныхъ подвиговъ, пока Господь не призоветъ ее къ Себѣ. Прощаясь съ нимъ, Марія сказала: „ступай теперь съ миромъ; черезъ годъ ты снова увидишь меня. Когда настанетъ великій четвергъ, ты возьми съ тайной вечери Тѣла и крови Христовыхъ и въ священномъ сосудѣ принеси ихъ на берегъ рѣки Іордана близъ селенія, чтобы причастить меня Св. Тайнъ“. Сказавъ эти слова, Марія скрылась въ пустынѣ. А старецъ Зосима прославилъ Бога, творящаго чудныя и дивныя дѣла Свои.

Прошелъ годъ. Старецъ Зосима, согласно просьбы. Маріи, взять въ сосудѣ Св. Тайны и пошелъ на берегъ рѣки Іордана. Ему нужно было переправиться на ту сторону. Вдругъ онъ увидѣлъ предъ собою Марію. Она подошла къ рѣкѣ, перекрестилась, осѣнила рѣку крестнымъ знаменіемъ и пошла по водѣ. Благоговѣнно взиралъ старецъ на св. подвижницу. Когда она подошла къ нему, онъ хотѣлъ поклониться ей, но Марія остановила

его: „не дѣлай этого: ты священникъ и въ твоихъ рукахъ Божественныя тайны. Благослови меня“, и сама преклонилась предъ нимъ. Марія причастилась и со слезами умиленія прочла „Нынѣ отпускаеши рабу Твою, Владыко, по глаголу Твоему съ миромъ“. Прощаясь со старцемъ она еще разъ просила придти къ ней. „Такъ хочеть Господь“, сказала Марія, и поспѣшно удалилась.

Черезъ годъ Зосима пришелъ въ пустыню. И что же? На томъ мѣстѣ, гдѣ Марія впервые явилась ему, онъ нашелъ бездыханное тѣло подвижницы и прочелъ написанныя на пескѣ слѣдующія слова: „Зосима! На этомъ мѣстѣ похорони тѣло смиренной Маріи, скончавшейся въ первый день Апрѣля, въ самую ночь спасительныхъ страстей Христовыхъ, послѣ приобщенія Святыхъ Божественныхъ Тайнъ“.

Въ недоумѣніи стоялъ скорбящій старецъ надъ тѣломъ великой подвижницы. Онъ не имѣлъ съ собою никакого орудія, чтобы ископать могилу въ раскаленномъ отъ солнца пескѣ. Вдругъ изъ глубины пустыни бѣжитъ къ нему левъ. Безсловесный царь звѣрей быстро начинаетъ своими могучими лапами разрывать почву и черезъ нѣсколько минутъ могила для угодницы Божіей была готова. Такъ преподобный Зосима, въ сообществѣ сего погребателя, сокрылъ многотрудное тѣло Маріи въ нѣдрахъ пустынной равнины...

Возвратившись въ свою обитель, Зосима повѣдалъ братіи о великой Христовой подвижницѣ, которую Господь сподобилъ его обрѣсти въ пустынѣ. Разказъ его записанъ съ его словъ и было положено 1-го Апрѣля совершать память Преподобной.

С. Н. К.

СНІЯ БОЖІА И НЕЖИЩА ЧЕЛОВѢЧЕСКАЯ.

Изъ записокъ игумена Θεодосія о самомъ себѣ.

(Продолженіе).

XXI.

Спустя три дня о. Амвросій сказалъ мнѣ:

— „Братъ Θεодоръ, иди къ старцу о. Макарію—онъ пойдетъ съ тобой къ о. игумену Моисею для опредѣленія тебя въ обитель“.

Когда мы со старцемъ пришли въ игуменскіе покои, о. Макарій ввелъ меня изъ прихожей въ залъ, а самъ пошелъ въ ка-

бинетъ или спальню къ о. Моисею и спустя минутъ двадцать они вошли оба въ залу. Тутъ въ первый разъ увидѣлъ я великаго игумена. Поклонился я ему въ ноги и принялъ благословеніе, и о. Макарій сказалъ ему:

— „Вотъ, батюшка о. игумень, я привелъ вамъ новаго подвижника Феодора; онъ желаетъ поступить въ монастырь для испытанія себя въ иноческой жизни: благословите его принять“.

— „Благословенъ Господь, посылайъ къ намъ рабовъ Своихъ“, отвѣтилъ о. игумень: „а паспортъ-то у тебя есть?“—спросилъ онъ меня.

Я подалъ паспортъ.

— „А деньги есть у тебя?“

У меня сохранились мои два золотые и еще нѣсколько серебряной мелочи. Я отдалъ ему деньги, и онъ при мнѣ положилъ ихъ въ ящикъ стола, стоящаго въ залѣ, и потомъ звонкомъ вызвалъ молодого келейника и сказалъ:

— „Бѣжи въ рухольную и спроси у рухольнаго, чтобы онъ далъ тебѣ на его ростъ свитку и поясъ ременный“.

Стремглавъ побѣжалъ келейникъ. Пока онъ бѣгалъ въ рухольную, о. Моисей кратко мнѣ объяснилъ монастырское чиноположеніе Оптиной, обязанности истиннаго послушника, и объявилъ мнѣ, что принимаетъ меня въ число братства и благословилъ мнѣ дать келью въ среднемъ этажѣ башни, что у воротъ близъ булочной лавки, окномъ на рѣку Жиздру.

Быстро возвратился изъ рухольной келейникъ и принесъ мнѣ послушническое одѣяніе. Надо было видѣть, изъ чего состояло это одѣяніе!—Свитка изъ суроваго мухояра, поношенная, съ нѣсколькими заплатами,.. а поясъ—простой бѣлый, корявый съ желѣзной петлей для затяжки, точно чересѣдельникъ для рабочей лошади...

Отецъ игумень взялъ въ руки свитку, поглядѣлъ, показалъ мнѣ...

— „Вѣдь, вотъ, братъ Феодоръ, какая одежда-то у насъ!“ сказалъ онъ мнѣ какъ бы съ сожалѣніемъ: „плоховата, вишь, одежда-то!“

— „Такъ что жъ, батюшка?“ отвѣчалъ ему я: „вѣдь, Преподобный-то Феодосій Печерскій, когда бѣжалъ отъ матери, такія же носилъ, а не шелковыя...“

— „А, ты развѣ знаешь житіе Преподобнаго?“

— „Читалъ въ Патерикѣ.“

— „Ну, хорошо—такъ скидай же сертучекъ-то свой, да въ подражаніе Преподобному и носи эту свитку“.

И, сказавши это, о. игумень благословилъ и меня, и свитку. Оба старца помогали мнѣ снимать мой сертучекъ, помогли на-

дѣтъ и свитку; а, когда меня нужно было опоясать, о. игумень взялъ въ руки ремень, посмотрѣлъ на него и, показывая мнѣ его, опять какъ бы соболѣзнуя промолвилъ:

— „Вишь, и поясъ-то дали какой копявшій!“ и оба вмѣстѣ съ о. Макаріемъ, подпоясавъ меня, застегнули, какъ должно. Я поклонился о. игумену въ ноги, и оба старца меня благословили...

— „Ну, теперъ спасайся о Господѣ“, сказалъ мнѣ о. игумень: „молиси усерднѣе, старайся подражать жизни св. отецъ, будь образцомъ и для насъ немощныхъ. А что тебѣ будетъ нужно, приходи ко мнѣ и говори все необязненно, а мы, по силѣ возможности, будемъ утѣшать и тебя, какъ ты утѣшилъ насъ своимъ приходомъ къ намъ въ обитель, изъ любви къ Богу оставивъ своихъ родителей и вся яже въ мірѣ. Господь да укрѣпитъ тебя, иди съ миромъ, а утромъ я назначу тебѣ послушаніе“.

Со слезами бросился я къ ногамъ старцевъ, облобызалъ ихъ въ восторгѣ радости, что меня приняли въ обитель и, поцѣловавъ затѣмъ благословляющія ихъ руки, пошелъ за келейникомъ и двворился въ назначенной мнѣ кельѣ.

Такъ совершилось мое первое вступленіе въ великую Оптину пустынь.

XXII.

Келья мнѣ отведенная, должно быть, давно была необитаема, и воздухъ въ ней былъ такой спертый, что, отворивъ въ нее дверь, я такъ и не затворялъ ее до тѣхъ поръ, пока меня не перевели въ корпусъ, гдѣ была живописная, назначивъ мнѣ на ней проходить послушаніе и учиться живописи. Недолго я жилъ въ этой баннѣ, но, какъ ни была въ ней неприглядна обстановка, я не могу передать того чувства, которое я испытывалъ тогда въ своемъ сердцѣ: я горѣлъ огнемъ ревности и любви къ Богу... Боже мой! что это была за радость! Сердце, какъ воскъ таяло, и для меня легко было всякое послушаніе. Я теръ въ живописной краски, топилъ баню, ходилъ на общія послушанія: поливалъ овощи, убиралъ сѣно; красилъ съ. о Пименомъ полы въ Казанской церкви; сажалъ капусту. Потомъ назначили меня въ кухню, гдѣ черезъ полгода сдѣлали поваромъ; Трудное было это послушаніе, но для меня и его было мало: я старался, когда отдыхали помощники, за нихъ что-нибудь сработать—носилъ дрова, хлѣбы изъ хлѣбни, разрѣзалъ ихъ на ломти. раскладывалъ рыбу по блюдамъ, словомъ, я, что называется, сгоралъ отъ жажды дѣятельности. Когда меня назначили въ живописную, я учился рисовать карандашемъ и тушью; ходилъ къ раннимъ обѣднямъ, гдѣ пѣлъ на клиросѣ—голосъ у меня хорошей—дискантъ; опять теръ краски и красилъ съ о. Пименомъ полы; при этомъ я исполнялъ нѣкоторыя обязанности келейнаго

у отца Петра Александровича Григорова, хотя и продолжалъ жить въ живописной. Обязанности эти не были особенно сложны: я ставилъ ему самоваръ и убиралъ келью, за что онъ иоилъ меня чаемъ и далъ мнѣ разрѣшеніе пользоваться его библіотекой.

Этотъ о. Петръ Александровичъ Григоровъ былъ изъ военныхъ—человѣкъ ученый; служилъ въ военной службѣ въ царствованіе Государя Александра Павловича и въ смутные дни воцаренія Николая I. Затѣмъ ушелъ въ Задонскій монастырь, гдѣ былъ келейникомъ у великаго затворника Георгія, послѣ смерти котораго поступилъ въ Скитъ Оптиной пустыни и былъ въ Оптиной вродѣ письмоводителя. Замѣчательный былъ это человекъ, и я отъ него многому понаучился, наслышавшись отъ него и про многія политическія тайны прошлаго времени и про его жизнь, и про великаго раба Божія Георгія затворника. Хорошо мнѣ было тогда жить въ живописной! Петръ Александровичъ меня любилъ; батюшка о. Макаріи тоже. Оба они меня ласкали своими милостями: къ о. Макарію мнѣ было разрѣшено ходить, когда было мнѣ можно, и утромъ, и вечеромъ въ келью къ келейникамъ: батюшкѣ—о. Родіону и о. Амвросію. Баловали меня даже пряниками, которые я получалъ и отъ старца, и отъ Петра Александровича. Сладко мнѣ жилось въ то время въ Оптиной—это было въ 1845 году, и жутко было подумать, что придется таки мнѣ дать о себѣ знать на родину, когда истечетъ срокъ паспорту; надо было дать вѣсточку о себѣ родителямъ, которые обо мнѣ ровно ничего не знали... Хотя любовь къ Богу и побѣждаетъ любовь естественную, но не могу и не хочу скрыть что, живя въ обители, я часто вспоминалъ скорбь своей матери и нерѣдко со слезами падалъ на колѣни передъ чудотворнымъ образомъ Казанской Божіей Матери, что въ Казанской церкви, и молилъ Препоблагословенную, чтобы Она утѣшила Своею благодатною силой горе моей дорогой родительницы.

А всетаки мнѣ было жутко открыть свое блаженное пребываніе въ Оптиной. И мудрено ли то было, когда Оптина была не только для меня, убогаго разумомъ, но и для высокихъ людей, уголкомъ рая, точно забытымъ ненавистью врага рода человѣческаго, или, вѣрнѣе, огражденнымъ отъ нея всесильной властью, Царицы неба и земли, Приснодѣвы Богородицы? Благолѣпіе храмовъ и священнодѣйствій; стройное пѣніе; примѣрная жизнь въ духѣ благонравной и преуспѣвающей духовно подъ богомудрымъ водительство старца Макарія и игумена Моисея братіи; дивныя службы церковныя, окрыляющія духъ пренебесной радостью... могло ли что на землѣ сравниться съ дивной Оптиной!... А отдѣльные подвижники Оптиной, эти земные небожители! Старецъ Макаріи; игумень Моисей; іеросхимонахъ Іоаннъ, обличитель и

гроза раскола; Варлаамъ, бывшій игумень Валаамскій, съ тяжельнымъ сосновымъ отрубкомъ на плечѣ: „томлю томящаго мя“, отвѣтилъ онъ, когда нечаянно былъ застигнутъ однимъ изъ братіи за тайнымъ своимъ подвигомъ—безмолвникъ и созерцатель, дѣлатель умной молитвы... А Петръ Александровичъ Григоровъ, оставившій вся красная міра, о которомъ я уже сказывалъ! А многіе другіе, явные и тайные подвижники духа, извѣстные или только Одному Господу довѣдомые, которыми изобиловала тогда Оптиная! Богомъ моимъ свидѣтельствую, что при игуменѣ Моисей обитель Оптиная цвѣла такой высокой нравственностью, что каждый мальчикъ и послушникъ былъ, какъ старецъ. Я видѣлъ тамъ въ полномъ смыслѣ слова земныхъ ангеловъ и небесныхъ жителей. Что это было за примѣрное благочиніе, послушаніе, терпѣніе, смиренномудріе, кротость, смиреніе! Оптина была школой для російскаго монашества.

Вспоминая любовь старца Макарія, не могу не упомянуть объ одномъ помыслѣ, вошедшемъ мнѣ въ сердце, когда я разъ пришелъ къ нему въ келью пить чай съ его келейниками. Самоваръ еще не становили. Былъ жаркій Іюльскій день. Сидя на крыльцѣ кельи, я услышалъ стукъ топора за кельей. Я пошелъ на этотъ стукъ и засталъ келейника, іеродіакона Амвросія, трудящимся до поту за одного больного брата, послушника Василия. Я смотрѣлъ на его ревность изъ любви къ больному брату и молился мысленно, чтобы Господь призрѣлъ на дѣло любви и благословилъ дни его жизни. И въ это время я услышалъ въ себѣ внутренній голосъ, мнѣ говорящій: „этотъ отецъ будетъ во времени старцемъ въ этой обители вмѣсто о. Макарія.“ Впослѣдствіи помыслу этому суждено было сбыться: іеродіаконъ Амвросій сталъ по смерти о. Макарія великимъ Оптинымъ старцемъ.

Но ни помысламъ, ни благодатнымъ видѣніямъ, какъ бы ни были они знаменательны и вождельны, старецъ Макарій не дозволялъ давать легкомысленной вѣры.

Однажды, во время описываемаго мною пребыванія въ Оптиной, былъ со мной такой случай. Заболѣло у меня горло, сдѣлалась сильная опухоль, и я сильно заболѣлъ.

Смерти я не боялся, но мнѣ хотѣлось еще потрудиться въ обители и, такъ какъ болѣзнь грозила принять серьезный оборотъ, то я сильно упалъ духомъ. Въ скорби духа я заснулъ и вижу во снѣ, что я лежу больной, и вотъ—подходить ко мнѣ Спаситель, какъ Его пишутъ на иконахъ явленія Маріи Магдалинѣ по Воскресеніи,—нагой, черезъ плечо покрытый покровомъ, и говорить мнѣ:

— Θεодоръ, ты нездоровъ?

— Нездоровъ, Господи!

Спаситель приблизился ко мнѣ и рукою Своею вскрылъ мнѣ грудь, такъ что я видѣлъ свое сердце и всю мою внутренность...

— Да—нездоровъ—сказалъ Онъ и, сказавши это, сталъ ко мнѣ бокомъ, и изъ ребра Его брызнула на меня фантаномъ Кровь и вода и, какъ дождемъ благодатнымъ землю сухую, оросили онѣ мнѣ всѣ мои внутренности. Затѣмъ Онъ закрылъ мнѣ грудь, еще разъ оросилъ ее Своею Кровью и, сказавши:

— Теперь ты будешь здоровъ—сталъ невидимъ, а я проснулся.

Опухоли въ горлѣ—какъ небывало, и я всталъ съ постели совершенно здоровымъ.

Немедленно пошелъ я въ скитъ къ старцу о. Макарію, чтобы рассказать ему о дивномъ видѣніи. Старецъ выслушалъ меня со вниманіемъ и обычной ему любовью и, нѣсколько помолчавши, сказалъ:

— „Что ты сдѣлался здоровъ, за это благодари Господа, но сну этому не вѣрь“.

— „Какъ же такъ, батюшка, не вѣрять-то?—Вы сами свидѣтели, что я былъ сильно боленъ, а вотъ мгновенно здоровъ“, возразилъ я не безъ горечи и удивленія старцу.

— „Слушай меня!“—сказалъ мнѣ о. Макарій: „если бы и точно, за молитвы святыхъ отецъ, сонъ твой былъ благодатный, то и тогда гораздо для тебя полезнѣе не вѣрять сну. Вѣря сну, ты не избѣгнешь самомнѣнія, и испытай себя, спроси свою совѣсть: ну, достоинъ ли ты, чтобы явился къ тебѣ Спаситель?... Положимъ, что милости Его бездна многа и судьбы Его кто исповѣсть, но, во всякомъ случаѣ, недоувѣріе сіе не будетъ служить тебѣ препятствіемъ ко спасенію... Положи себѣ, что ты женатъ и имѣешь жену, которую ты хотѣлъ испытать въ вѣрности, для чего ты, отъѣхавъ какъ бы въ дальнюю сторону, черезъ нѣсколько дней вернулся бы къ женѣ подъ искусной маской, подъ которой тебя невозможно было бы узнать. Положи, что маска эта красивѣе тебя и такъ искусно сдѣлана, что ты въ ней другой человѣкъ, и ни одна женщина не могла бы въ ней тобой не заинтересоваться. Подъ этимъ обличьемъ ты сталъ бы прельщать свою жену... Скажи мнѣ, былъ бы ты обиженъ, если бы жена твоя въ отвѣтъ на твои оболженія отвѣтила тебѣ личнымъ оскорбленіемъ, соблюдая свою супружескую тебѣ вѣрность?.. Не сталъ ли бы ты ее еще больше любить и уважать?.. Ну, вотъ видишь—такъ и ты поступи: отъ всей души возблагодари Господа за выздоровленіе, а сну не довѣрай, памятуя свое недостойнство и грѣховность“.

Такъ вразумилъ меня старецъ, прозрѣвая во мнѣ зарождающуюся склонность къ самообольщенію...

Такъ, въ жизни монастырскаго послушанія, тихихъ радостяхъ монашеской жизни, назидаясь примѣромъ и рѣчами богомудрыхъ моихъ наставниковъ и собратій, провелъ я благополучно 1846 годъ въ стѣнахъ великой Оптиной. На небѣ былъ я или на землѣ, не знаю; но—увы! земля на этотъ разъ въ моей жизни оказалась сильнѣе неба и для временнаго пустынножителя назрѣла неотложная нужда въ паспортѣ. Съ великой тугой сердечной написалъ я изъ Оптиной родителю письмо о высылкѣ паспорта, но въ отвѣтъ получилъ угрозу вытребовать меня черезъ полицейское управленіе. Сильнѣе всѣхъ въ моей семьѣ возсталъ противъ моего монашества братъ Ѳедоръ, который и всегда-то былъ, какъ человѣкъ новаго духа, врагъ монаховъ, и тутъ пошелъ на меня прямо-таки войной и поднялъ бурю противъ меня на семейномъ совѣтѣ.

Батюшка о. Макарій благословилъ о. Амвросія написать отъ своего имени моимъ родителямъ письмо, чтобы они не препятствовали моему желанію посвятить себя иноческой жизни. Въ письмѣ этомъ родители мои предупреждались старцемъ, что противленіемъ своимъ сыну на вступленіе въ монашество они могутъ навлечь на себя гнѣвъ Божій и лишиться благословенія въ дѣлахъ своихъ... Письмо было отправлено, но мнѣ что-то не чаялось получить исполненіе своего желанія. Такъ и вышло: вскорѣ пришелъ за мной игуменскій келейникъ и позвалъ къ о. игумену.

Когда я вошелъ въ залу, то за столомъ увидѣлъ городничаго г. Козельска. Хотя городничій мирно попивалъ игуменскій чай, сердце мое обмерло отъ тяжелаго предчувствія... О. игумень сообщилъ мнѣ, что родители мои требуютъ высылки моей въ г. Балашовъ черезъ полицейское управленіе, и городничій къ игуменскимъ словамъ добавилъ съ усмѣшкой:

— „При этапѣ конвойномъ“.

Я заплакалъ...

— „За что жъ по этапу?“ возразилъ о. Моисей: „выдайте ему проходной билетъ отъ Козельска до Балашова“.

Городній согласился:

— „Конечно, такъ“, сказалъ онъ: „за что же по этапу—онъ никакого преступленія не сдѣлалъ.“

Въ концѣ концовъ мнѣ было вручено проходное свидѣтельство, и я долженъ былъ отправиться на родину.

Поговѣвши въ послѣдній разъ въ Оптиной, я простился съ великимъ плачемъ съ братіей, со старцемъ о. Макаріемъ и съ о. игуменомъ. Великій старецъ ласково утѣшалъ меня и сказалъ мнѣ, что рано или поздно, а я все-таки буду монахомъ, только бы я не вступалъ въ супружество.

— „Не плачь“, говорилъ мнѣ о. Макарій: „не плачь. Увѣрю тебя—никогда не отчаявайся въ милосердіи Божіемъ; оно безгранично. Силенъ Богъ извести тебя изъ міра, — и ты современемъ будешь инокомъ. Просите и дастся вамъ... И мы будемъ за тебя молиться“.

О. игуменъ, прощаясь со мной, досталъ изъ столика положенные туда при моемъ вступленіи два золотые, которые такъ все время тамъ и лежали, и я поклонившись старцамъ и Оптиной до лица земли, обливаясь горькими слезами, отправился пѣшкомъ на родину.

О. Родіонъ провожалъ меня до св. Пафнугіевскаго колодезя.

Такъ завершился мой побѣгъ изъ родительскаго дома... Что-то меня ожидало по возвращеніи подъ кровъ родительскій?..

(Продолженіе слѣдуетъ).

Изъ редакціи Троицкихъ Листковъ можно получать книгу:

Житіе и подвиги преподобнаго и богоноснаго отца нашего СЕРГІЯ,

Игумена Радонежскаго и всея Россіи чудотворца. Пятое дополненное и исправленное изданіе составлено соборнымъ іеромонахомъ (нынѣ епископомъ) Никономъ съ художественными картинами изъ жизни угодника Божія и многими рисунками въ текстѣ (всего 147 рисунковъ), и одной художественной хромолитографіей въ 20 красокъ въ размѣрѣ книги: *Предсмертное причащеніе Препод. Сергія*, (копія съ картины покойнаго іеромонаха Симеона). Эта книга удостоена отъ Святѣйшаго Синода преміи Митрополита Макарія въ 1000 рублей.

Цѣна 2 р., съ перес. 2 р. 50 к., въ красивомъ корешкѣ, папкѣ 2 р. 50 к., съ перес. 3 р.,—въ коленкорѣ съ золотымъ тисненіемъ 3 р. 50 к., съ перес. 4 р.

Тоже изданіе, но на простой бумагѣ, безъ примѣчаній, безъ заставокъ, и безъ хромолитографіи, съ 110 рисунками въ текстѣ, цѣна 1 р., съ перес. 1 р. 30 к.

Троицкій Цвѣтокъ № 48.

ХРИСТОСЪ ВОСКРЕСЕ!.. **ИЗЪ ЗОЛОТОЙ ПОРЫ ДѢТСТВА.**

Цѣна 3 коп. съ перес. 4 коп.

Адресъ: Сергіевъ посадъ, Моск. губ., въ редакцію Троицкихъ Листковъ.

Цезарь Протоіерей Н. Якубовъ.

Редакторъ Свящ. Н. Коноплевъ.

Типографія Свято-Троицкой Сергіевой Лавры.